12+

Игорь Твердцовский

Фин: Смех по ту сторону тьмы

Игорь Твердцовский

Фин: Смех по ту сторону тьмы

«Издательские решения»

Твердцовский И. Н.

Фин: Смех по ту сторону тьмы / И. Н. Твердцовский — «Издательские решения»,

Фин — шут, который никогда не мечтал стать героем, но встреча с девочкой по имени Мира втягивает его в путешествие, полное тайн, опасностей и забытых историй…

© Твердцовский И. Н.
© Издательские решения

Содержание

# ФИН	6
Глава третья. Женщина в трактире	14
Глава четвёртая. Голос за стеной	19
Глава шестая. Дом, который ждал	29
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Фин: Смех по ту сторону тьмы

Игорь Николаевич Твердцовский

© Игорь Николаевич Твердцовский, 2026

ISBN 978-5-0071-5840-4
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ФИН

Смех по ту сторону тьмы

Пролог. Колокол без языка

В тот вечер женщина забыла имя собственного сына.

Она стояла посреди кухни, держа в руках деревянную ложку, и смотрела на мальчика так, словно видела его впервые. За окном шёл дождь. В печи догорали последние поленья, а на столе остывала похлёбка, которую она готовила каждый вечер на протяжении двенадцати лет.

— Мам? — позвал мальчик.

Женщина вздрогнула.

— Ты кто?

Он сначала решил, что она шутит. Потом улыбнулся, потом рассмеялся, а когда понял, что мать не узнаёт его, заплакал.

К утру она помнила всё: своё детство, свадьбу, умершего отца, даже цвет занавесок в доме, где родилась. Она помнила, как впервые увидела своего мужа и как боялась грозы в семь лет.

Она помнила всё, кроме сына.

На стене возле двери кто-то оставил надпись.

«Он сам попросил забыть».

Женщина не помнила, чтобы кто-нибудь входил в дом.

В ту же ночь над королевством Вальдхейм прокатился смех.

Его никто не слышал.

Но несколько человек проснулись с мокрыми от слёз лицами.

И каждый из них наутро забыл кого-то, кого любил.

***

Глава первая. Последнее представление

В тот день Фин потерял три вещи: кошелёк, последний зуб и остатки уважения к себе.

Кошелёк украли ещё утром. Зуб он потерял, когда попытался доказать одному пьяному торговцу, что шуты тоже умеют драться. А уважение к себе исчезло после того, как торговец, не приложив почти никаких усилий, отправил его лицом в бочку с капустой.

Теперь Фин стоял на городской площади Вельда, мокрый, злой и пахнущий так, будто его похоронили вместе с овощами.

На голове у него болтался потемневший колпак с бубенцами. Чёрная металлическая маска скрывала лицо, а на чёрно-бордовом костюме темнели пятна грязи.

Перед ним собралась толпа.

Вернее, какая-то её часть. Остальные проходили мимо, потому что в Вельде давно перестали интересоваться чужими несчастьями. Своих хватало.

Фин раскланялся.

— Дамы и господа! А также те, кто ещё не определился со своим полом, положением в обществе и количеством оставшихся зубов! Сегодня перед вами выступит величайший шут королевства!

Кто-то бросил в него гнилое яблоко.

Фин поймал его.

— Благодарю! Наконец-то достойная оплата моего труда.

Он подбросил яблоко, попытался поймать его за спиной и промахнулся. Яблоко ударилось о камни и покатилось под ноги пожилому мужчине.

Мужчина посмотрел на Фина с таким презрением, будто тот лично изобрёл бедность.

— Ты называешь это представлением?

— Нет, господин. Это разминка. Представление будет ещё хуже.

Никто не засмеялся.

Фин вздохнул.

Он привык к этому. Люди любили смеяться над чужой болью, пока не приходилось смотреть на неё слишком долго. А стоило шуту заговорить о чём-то настоящем, как публика начинала вспоминать о своих делах.

Он сделал ещё один поклон.

— Ну что ж. На сегодня всё. Спасибо за ваше внимание. Если вам понравилось, расскажите друзьям. Если нет — расскажите врагам. Возможно, они оценят.

Именно тогда он услышал смех.

Тихий. Искренний. Совершенно неуместный.

Фин медленно повернул голову.

На краю площади стояла девочка лет двенадцати. На ней было слишком большое пальто, рукава которого почти полностью закрывали ладони. Тёмные волосы прилипли ко лбу от дождя, а на ботинках засохла грязь.

Она смеялась, прикрыв рот рукой.

Фин посмотрел на неё.

— Что смешного?

Девочка попыталась ответить, но снова рассмеялась.

— Ты, — наконец сказала она.

— Прекрасно. Я всегда мечтал стать причиной чьего-нибудь счастья. Правда, предпочёл бы, чтобы это произошло до того, как я потерял зуб.

Она подошла ближе.

— Ты притворяешься.

Фин перестал улыбаться под маской — хотя никто не мог этого увидеть.

— Прости?

— Притворяешься, что тебе не больно.

На площади будто стало холоднее.

Фин медленно выпрямился.

Он хотел ответить что-нибудь язвительное. Хотел рассмеяться, поклониться, назвать её маленькой философкой и попросить оплату за столь глубокие наблюдения.

Но девочка смотрела на него так, словно видела не костюм, не маску и не шута.

Она видела самого Фина.

И это ему совершенно не понравилось.

— Как тебя зовут, маленькая беда?

— Мира.

— Что ж, Мира. Советую тебе держаться подальше от людей вроде меня.

— Почему?

— Потому что мы приносим несчастье.

Девочка задумалась.

— Тогда почему ты сам такой несчастный?

Фин отвернулся.

Впервые за долгое время ему нечего было сказать.

Мира подняла с земли яблоко, вытерла его рукавом и протянула шуту.

— На. Ты, наверное, голодный.

Фин посмотрел на яблоко.

Потом на девочку.

— Я предпочитаю деньги.

— У тебя нет денег.

— Именно поэтому я предпочитаю их ещё сильнее.

Мира улыбнулась.

И в этот момент над площадью прозвучал колокол.

Один удар.

Глухой и протяжный.

Люди остановились. Кто-то перекрестился. Старик у колодца уронил ведро.

Фин поднял голову.

На башне ратуши раскачивался большой чёрный колокол. Он не должен был звонить. Все в Вельде знали это.

У колокола не было языка.

Мира побледнела.

— Он снова начал, — прошептала она.

— Кто?

Девочка не ответила.

Она смотрела на Фина.

— Теперь он знает, что ты здесь.

И убежала.

Фин остался стоять посреди площади с гнилым яблоком в руке.

Впервые за весь день ему захотелось, чтобы кто-нибудь рассмеялся.

Но никто не смеялся.

***

Глава вторая. Девочка, которую забыли

Мира жила на окраине Вельда, в маленьком доме возле старого моста.

Дом был серым, с покосившейся крышей и двумя окнами, одно из которых постоянно запотевало изнутри. На подоконнике стоял горшок с засохшим цветком. Мира поливала его каждый вечер, хотя мать давно говорила, что растение умерло.

Девочка не любила выбрасывать то, что ещё могло вернуться к жизни.

В тот вечер она пришла домой поздно.

Мать сидела у очага и чинила старую рубашку.

— Где ты была? — спросила она.

— На площади.

— Опять?

Мира сняла пальто и повесила его на крючок.

— Там был шут.

Мать не подняла головы.

— И что?

— Он смешной.

— Все шуты смешные. Для этого им и платят.

Мира хотела рассказать о колоколе. О том, как изменились лица людей. О том, что Фин, кажется, не услышал самого страшного.

Но мать уже вернулась к шитью.

— Иди умывайся. Ужин на столе.

За столом было тихо.

Мира ела медленно, поглядывая на мать. Та выглядела усталой. Под глазами залегли тени, волосы выбились из косы.

— Мам?

— Да?

— Ты помнишь, как меня назвали?

Мать подняла глаза.

— Что за глупый вопрос?

— Просто ответь.

— Тебя назвали Мира.

Девочка облегчённо выдохнула.

— Конечно, Мира. А как же иначе?

Мать улыбнулась и погладила её по голове.

На секунду всё стало обычным.

Потом мать нахмурилась.

— Подожди… А ты чья?

Ложка выпала из рук Миры.

Она долго смотрела на женщину напротив, надеясь, что та сейчас рассмеётся и скажет, что это была шутка.

Но мать смотрела на неё спокойно. В её глазах не было ни злости, ни страха.

Только пустота.

— Мам?

Женщина встала.

— Тебе пора домой, девочка. Уже темно.

Мира не двинулась.

— Но я дома.

Мать отступила от стола.

— Не знаю, кто ты. Уходи, пожалуйста.

Мира выбежала на улицу.

Дождь снова начался.

Она бежала по знакомым переулкам, спотыкаясь и вытирая лицо рукавом. У лавки сапожника остановилась, чтобы отдышаться.

Сапожник знал её с самого детства. Когда Мира была маленькой, он делал ей деревянные игрушки. Иногда давал сладости, если мать разрешала.

Теперь он смотрел на неё, как на незнакомку.

— Дядя Томас…

— Мы знакомы?

Она побежала дальше.

На площади её никто не узнал.

Соседка, которая каждый день здоровалась с ней у колодца, отвернулась. Мальчишки, с которыми Мира играла прошлым летом, прошли мимо, даже не заметив её.

Мир не изменился.

Изменилась она.

Или, может быть, мир решил, что её никогда не существовало.

Мира остановилась возле ратуши.

Чёрный колокол висел неподвижно.

Она посмотрела на него и прошептала:

— Я же ничего не сделала.

В ответ раздался тихий смех.

Не с башни.

Не с площади.

Он прозвучал прямо у неё за спиной.

Мира обернулась.

В переулке никого не было.

Только на мокрых камнях лежала старая игральная карта.

На ней был изображён шут в чёрной маске.

Фин.

А на обратной стороне дрожащей, будто написанной чужой рукой, строкой было выведено:

«Найди того, кто ещё помнит тебя».

Мира подняла карту.

И впервые за этот вечер перестала плакать.

Она знала, кого искать.

Глава третья. Женщина в трактире

К вечеру дождь превратил дорогу в чёрную ленту грязи.

Фин шёл впереди, стараясь не наступать в лужи, хотя после нескольких часов пути сапоги всё равно промокли насквозь. Его колпак давно потерял прежний вид, бубенцы на нём почти не звенели, а маска, закрывавшая лицо, неприятно холодила кожу.

Мира держалась позади.

Она почти не разговаривала с тех пор, как они покинули Вельде. Иногда Фин оборачивался, чтобы убедиться, что девочка не отстала, и каждый раз замечал одно и то же: она смотрела не на дорогу, а куда-то в сторону, будто ожидала увидеть среди деревьев кого-то, кого он не мог разглядеть.

— Если ты надеешься, что я понесу тебя на руках, — сказал Фин, — то должна знать: я едва могу нести самого себя.

Мира не улыбнулась.

— Ты всегда так много говоришь?

— Только когда мне страшно.

— А сейчас тебе страшно?

Фин хотел ответить привычной шуткой. Что ему страшно лишь перед налоговым сборщиком, голодной собакой и женщинами, которые умеют считать лучше него. Но слова почему-то застряли в горле.

Впереди, между голыми ветвями, показался огонёк.

Потом второй.

А ещё через несколько минут они увидели вывеску, скрипевшую на ветру. На ней был нарисован белый олень с человеческими глазами. Краска облупилась, и теперь казалось, будто зверь плачет.

Над дверью висела табличка:

«Последний приют».

— Уютное название, — пробормотал Фин. — Обычно такие места либо слишком дорогие, либо действительно последние.

— Нам туда, — сказала Мира.

— Ты знаешь это место?

— Нет.

— Тогда откуда…

— Оно ждёт нас.

Фин посмотрел на девочку внимательнее, но та уже шагнула к двери.

Внутри пахло дымом, мокрой шерстью и кислым вином. В трактире было тепло, хотя огонь в очаге почти догорел. За несколькими столами сидели путники. Они говорили вполголоса, не глядя друг на друга, и при появлении незнакомцев разговоры стихли.

Хозяин, толстый мужчина с обветренным лицом, вытер кружку и кивнул на свободный стол у стены.

— Еда есть. Кровати есть. Вопросов не задаём.

— Великолепно, — сказал Фин. — Наконец-то заведение, которое понимает, как обращаться с уважаемыми артистами.

— Уважаемые артисты платят вперёд.

— А неуважаемые?

— Тоже.

Фин тяжело вздохнул и выложил на стол несколько монет. Хозяин пересчитал их, одну отодвинул обратно и поставил перед ними две миски похлёбки.

— На большее не рассчитывайте.

— Я и не рассчитывал. Я вообще давно перестал рассчитывать. Очень полезная привычка. Особенно для человека с моими талантами.

Мира уже ела. Быстро, жадно, словно боялась, что еда исчезнет, если она отвлечётся.

Фин хотел спросить, когда она в последний раз ела, но передумал.

За соседним столом сидела женщина.

Сначала он заметил только её руки: длинные пальцы, неподвижно лежавшие возле чашки, и тонкий серебряный перстень на указательном пальце. Потом поднял глаза.

Женщина была одета в тёмное дорожное платье. Её волосы, почти полностью седые, были собраны на затылке. Лицо казалось молодым и старым одновременно — как у человека, который слишком долго не спал, но успел устать за несколько жизней.

Она смотрела на Миру.

Не на Фина. Не на его маску. Именно на девочку.

— Где ты её нашёл? — спросила женщина.

Фин отложил ложку.

— Обычно знакомство начинается немного иначе. Например: «Добрый вечер, как вас зовут?» Или хотя бы: «Какая ужасная погода». Вы же сразу переходите к похищениям и прочим обвинениям.

— Я задала простой вопрос.

— А я дал простой ответ: на дороге.

— На какой дороге?

— На той, которая привела нас сюда.

Женщина не обратила внимания на его слова.

— Девочка, подойди ко мне.

Мира перестала есть.

— Нет, — сказала она.

В трактире стало тихо. Даже огонь в очаге словно перестал потрескивать.

Женщина медленно повернула голову к Фину.

— Ты знаешь, кто она?

— Девочка. Примерно двенадцать лет. Не любит задавать лишние вопросы, зато прекрасно умеет задавать неприятные. Ещё она считает, что дорога иногда знает, куда ей идти. По-моему, это тревожный признак.

— А имя?

— Мира.

При этих словах женщина вздрогнула.

Совсем немного. Так, что другой человек мог бы не заметить. Но Фин всю жизнь зарабатывал тем, что замечал то, чего другие не замечали, — особенно если это помогало избежать удара, летящего в голову.

— Что не так с её именем? — спросил он.

Женщина поднялась.

— Ты носишь маску.

Фин моргнул.

— Наблюдательность у вас поразительная. Я думал, это часть моего природного обаяния.

— Я серьёзно.

— Как и я. Маска помогает скрывать недостатки. В моём случае их довольно много, поэтому без неё пришлось бы туго.

Женщина не улыбнулась.

— Если колокол прозвучал снова, значит, времени почти не осталось.

Мира побледнела.

— Вы слышали его?

Женщина посмотрела на неё с такой печалью, что Фин впервые за вечер перестал шутить.

— Я слышала его много лет назад.

— И что произошло?

Женщина не ответила сразу. Она посмотрела на свою чашку, словно надеялась найти ответ на дне.

— Я забыла человека, которого любила больше жизни.

— Кого? — тихо спросила Мира.

— Своего сына.

В глубине трактира кто-то уронил кружку. Глиняные осколки разлетелись по полу, но никто не пошевелился, чтобы их убрать.

— Я помню его руки, — продолжила женщина. — Помню, как он смеялся. Помню, что он боялся грозы и прятался под одеяло, когда начинался дождь. Помню, как однажды он подарил мне деревянную лошадку, которую вырезал сам. Она была уродливой, кривой, с одной ногой короче другой. Я хранила её у кровати.

Она сглотнула.

— Но я не помню его лица. Не помню его имени. Иногда мне кажется, что я сама его придумала. А иногда я просыпаюсь ночью и плачу, потому что знаю: когда-то у меня был сын, и я позволила миру забрать его у меня.

Мира сжала край стола.

— Вы позволили?

— Нет, дитя. Я просто не знала, что происходит. Никто не знает, пока не становится слишком поздно.

Фин медленно встал.

— Что за колокол?

Женщина впервые посмотрела на него так, словно заметила по-настоящему.

— Ты прячешь лицо. Это важно.

— Для кого?

— Для того, кто звонит.

За окнами ударил ветер. Вывеска заскрипела, и белый олень на ней качнулся, словно пытался сорваться с цепи.

Женщина подошла к двери и повернула ключ в замке.

— Слушайте меня внимательно. До рассвета никто не должен произносить имя девочки. Ни ты, ни она, ни кто-либо другой. Если услышите голос за дверью — не открывайте. Даже если он будет звать вас по имени. Особенно если он будет звучать голосом человека, которого вы любите.

— А если это всего лишь путник, попавший под дождь? — спросил Фин.

— Тогда ему не повезло.

Она подошла к очагу и бросила в огонь щепотку серого порошка. Пламя на мгновение стало синим.

— И ещё одно. Если ночью вы услышите смех, не смейтесь в ответ.

Фин посмотрел на неё.

— Это, пожалуй, самое оскорбительное предупреждение, которое я когда-либо получал.

— Тогда считай, что тебе повезло. Другие предупреждений не получают.

Женщина направилась к лестнице, ведущей на второй этаж.

— Постойте! — окликнула её Мира. — Как вас зовут?

Женщина замерла на последней ступени.

Долгое мгновение она стояла спиной к ним, словно пыталась вспомнить что-то очень далёкое.

— Когда-то я знала.

Она поднялась наверх и исчезла в темноте.

Фин проводил её взглядом, потом уселся поудобнее и потянулся к своей миске. Похлёбка окончательно остыла.

— Ну что ж, — произнёс он, стараясь вернуть голосу привычную лёгкость. — Радует, что наша хозяйка вечера оказалась приветливой, гостеприимной и совершенно безумной.

— Она не безумная, — сказала Мира.

— Конечно. А я король Вальдхейма. Просто пока об этом никто не знает.

Мира не улыбнулась.

Она смотрела на его руку.

— Фин, у тебя что-то в ладони.

Он опустил глаза.

Между пальцами лежала монетка.

Он даже не заметил, как достал её из кармана.

Монетка была старой, тёмной по краям, с неровным ободком. На одной стороне находилась дверь — узкая, высокая, с маленькой круглой ручкой. Дверь была изображена так тщательно, будто её не отчеканили на металле, а вырезали в самой монетке.

Фин перевернул её.

На другой стороне виднелись едва заметные знаки.

Раньше он принимал их за царапины. Иногда ему казалось, что это буквы, но стоило присмотреться, как они исчезали, оставляя только потемневший металл.

Теперь знаки проступили отчётливо.

Фин нахмурился.

— Этого раньше не было.

— Что там написано? — спросила Мира.

— Если бы я знал, то, вероятно, уже давно стал бы богатым и перестал бы выступать перед пьяными крестьянами.

Он попытался улыбнуться, но в ту же секунду дёрнул рукой.

Монетка стала ледяной.

Не просто холодной, как металл, пролежавший на снегу. Она словно вытягивала тепло прямо из его ладони. Фин сжал пальцы, но холод проникал глубже, к запястью.

Мира отодвинулась от стола.

— Она так делает каждый раз?

Фин медленно посмотрел на неё.

— Каждый раз когда что?

— Когда что-то приближается.

Он хотел спросить, откуда она знает, но девочка уже смотрела на дверь трактира.

За ней кто-то стоял.

Фин не слышал шагов. Не слышал дыхания. Только почувствовал, как монетка в его руке становится ещё холоднее.

На её поверхности проступил новый знак.

Всего один.

Маленькая чёрная черта, похожая на трещину посреди двери.

— Мира, — тихо произнёс Фин. — Откуда у тебя эта привычка говорить загадками?

— Я не говорю загадками.

— Тогда объясни, что происходит.

Она подняла на него глаза.

— Я не знаю. Но когда монетка холодеет, значит, дверь где-то рядом.

В этот миг наверху раздался тихий стук.

Три удара.

Будто кто-то постучал изнутри стены.

Затем послышался детский голос:

— Мама?

Женщина закричала.

Фин вскочил. Монетка выскользнула из его пальцев, ударилась о пол и покатилась под стол.

Он наклонился, чтобы поднять её.

И замер.

На другой стороне монетки, там, где ещё мгновение назад были непонятные знаки, теперь проступали слова.

Фин не знал этого языка.

Но почему-то понял их смысл.

«Не открывай дверь».

А за окнами, далеко за лесом, начал раскачиваться колокол, у которого не было языка.

Глава четвёртая. Голос за стеной

Крик женщины оборвался так внезапно, словно кто-то накрыл его тяжёлой ладонью.

На несколько секунд трактир погрузился в тишину.

Не в ту обычную тишину, которая наступает, когда люди перестают разговаривать. Эта была другой. Она словно заполнила собой помещение, забралась под столы, спряталась за бочками, проникла в щели между половицами. Даже дождь за окнами будто отдалился, превратившись в далёкий, едва различимый шорох.

Фин выпрямился.

Монетка лежала у его сапога. Он поднял её и крепко зажал в кулаке.

Металл обжигал холодом.

— Оставайся здесь, — сказал он Мире.

— Нет.

— Это не просьба.

— А я и не спрашивала.

Фин посмотрел на неё. В другое время он, возможно, оценил бы такой ответ. В нём чувствовалась та самая дерзость, которую он сам годами оттачивал перед зрителями, — только Мира не пыталась никого рассмешить.

Она боялась.

И всё равно не собиралась оставаться одна.

Фин вздохнул.

— Замечательно. Я всегда мечтал стать нянькой. Особенно в заведении, где по ночам кричат женщины, а стены разговаривают детскими голосами.

Он направился к лестнице.

Мира пошла следом.

Трактир «Последний приют» был старым даже по меркам мест, которые никто не удосуживался ремонтировать. Его стены сложили из потемневшего камня, а потолочные балки, покрытые многолетней копотью, напоминали рёбра огромного животного. Над стойкой висели пучки сушёных трав, связки чеснока и несколько непонятных корней, сморщенных до состояния высохших пальцев. В углу стоял деревянный идол с отбитым носом. Кто-то надел ему на голову старую шляпу, и теперь он выглядел так, словно был единственным постояльцем, который по-настоящему наслаждался здешним гостеприимством.

В обычный вечер всё это могло бы показаться смешным.

Но сейчас даже Фин не находил в обстановке ничего забавного.

У основания лестницы висела масляная лампа. Её пламя металось за мутным стеклом, отбрасывая на стену длинные тени. Каждая ступень была вогнута посередине от множества ног, прошедших по ней за долгие годы. Дерево потрескивало под сапогами, и каждый скрип казался слишком громким.

На втором этаже пахло сыростью, старым бельём и чем-то сладковатым, напоминавшим цветы, оставленные в запертой комнате на много дней.

Коридор был узким. Слева тянулись двери гостевых комнат, справа находились маленькие окна, за которыми клубилась ночная темнота. Ветер шевелил неплотно пригнанные ставни. Где-то в стенах постукивали ветки, словно кто-то нетерпеливо барабанил пальцами по дереву.

В конце коридора горела свеча.

Возле неё стояла женщина.

Она больше не кричала. Прижавшись спиной к стене, она смотрела на одну из дверей. Лицо её стало совершенно белым, а пальцы судорожно сжимали серебряный перстень.

— Что произошло? — спросил Фин.

Женщина не ответила.

— Послушайте, — продолжил он, подходя ближе, — я не привык вмешиваться в чужие семейные дела. Мои собственные занимают достаточно времени. Но если за стеной действительно находится ребёнок, возможно, нам стоит…

— Там никого нет, — прошептала женщина.

Фин остановился.

— Простите?

— Там никого нет.

Она произнесла это ещё раз, уже увереннее, словно повторение могло сделать слова правдой.

Мира подошла к двери.

— Я слышала голос.

— Нет, — сказала женщина. — Ты слышала то, что хотело, чтобы ты услышала.

Девочка коснулась деревянной панели кончиками пальцев.

— Кто там?

— Не задавай вопросов, на которые не хочешь услышать ответы.

Фин поднял монетку. На её холодной поверхности дверь казалась глубже, чем прежде. Тонкая чёрная линия пересекала изображение от верхнего края до самой ручки.

— Полагаю, — сказал он, — сейчас самое время объяснить, почему вы так боитесь собственной комнаты.

Женщина посмотрела на него.

— Это не моя комната.

— Тогда почему вы стоите перед ней?

— Потому что он знает, что я здесь.

— Кто?

Она перевела взгляд на Миру.

— Тот, кого нельзя вспоминать.

В ту же секунду за дверью раздался тихий смех.

Не детский и не взрослый. В нём было что-то неправильное, будто несколько разных голосов пытались смеяться одновременно, но ни один не мог вспомнить, как это делается.

Мира отступила.

Фин почувствовал, как холод монетки проникает сквозь кожу.

— Отойдите от двери, — сказал он.

Женщина не двигалась.

— Отойдите!

Он схватил её за плечо и оттащил к себе. Она оказалась удивительно лёгкой. Под тёмным платьем будто не было ничего, кроме костей и усталости.

Смех прекратился.

На мгновение всем показалось, что опасность миновала.

Затем из-за двери донёсся шёпот:

— Мама…

Женщина закрыла глаза.

— Нет, — прошептала она. — Нет, ты не можешь быть им.

— Мамочка, мне холодно.

Голос был совсем тихим. В нём не было угрозы, не было насмешки. Только детская обида и та беззащитная просьба, которую способен произнести лишь тот, кто уверен, что его обязательно услышат.

Фин почувствовал, как женщина напряглась всем телом.

— Не слушайте, — сказал он.

— Это его голос.

— Вы сами говорили, что не помните сына.

— Я помню его голос.

— Но вы не знаете, кто за дверью.

Женщина посмотрела на него с отчаянием.

— А если это действительно он?

Фин не нашёлся с ответом.

Он знал достаточно о людях, чтобы понимать: иногда надежда опаснее страха. Страх заставляет бежать. Надежда же может заставить человека открыть дверь, за которой его ждёт собственная гибель.

Монетка внезапно потеплела.

Фин удивлённо разжал пальцы.

Холод исчез так же неожиданно, как появился. Металл лежал на ладони почти тёплый, а надпись на его обороте начала медленно меняться. Старые знаки расплывались, словно чернила под дождём.

На их месте проступили новые слова.

«Она должна вспомнить».

Фин прочитал надпись дважды.

— Что там? — спросила Мира.

Он не ответил.

— Фин?

— Пока ничего хорошего.

Женщина заметила монетку. Увидев её, она резко отшатнулась.

— Где ты её взял?

— Она у меня давно.

— Покажи.

— Не уверен, что это хорошая идея.

— Покажи мне!

Впервые за весь вечер её голос прозвучал громко и властно.

Фин поднял руку.

Женщина смотрела на монетку так, словно увидела лицо давно умершего человека.

— Этого не может быть, — прошептала она.

— Сегодня эта фраза становится популярнее с каждой минутой, — заметил Фин. — Может, вы всё-таки объясните, что происходит?

Она медленно покачала головой.

— Я видела такую монету только один раз.

— Когда?

Женщина перевела взгляд на дверь.

— В ночь, когда исчез мой сын.

Из комнаты донёсся новый звук.

Тихий скрежет.

Будто по ту сторону кто-то медленно провёл ногтем по дереву.

Мира посмотрела на Фина.

— Нам нужно уйти.

— Согласен. Редкий случай, когда я полностью поддерживаю твою инициативу.

Но женщина схватила его за рукав.

— Если ты уйдёшь, она найдёт тебя.

— Кто?

— Дверь.

Фин хотел рассмеяться. Сказать, что двери обычно не ходят по свету в поисках людей, хотя после сегодняшнего вечера он уже не был уверен даже в этом.

— Двери не умеют искать, — произнёс он.

— Эта умеет.

Женщина отпустила его и прижала ладонь к груди.

— Ты думаешь, что дверь — это просто дерево, петли и замок. Но иногда дверь становится единственным местом, через которое что-то может попасть в наш мир. И иногда она появляется там, где её быть не должно.

— Например, на монетке? — спросил Фин.

Женщина кивнула.

— Именно.

В коридоре стало холоднее.

Свеча возле стены вытянулась тонким синим языком. Пламя замерло, перестав колебаться, хотя ветер продолжал проникать сквозь щели в ставнях.

А затем дверь перед ними медленно открылась.

Ни скрипа, ни щелчка замка.

Она просто распахнулась внутрь, будто кто-то по ту сторону терпеливо ждал, пока они закончат разговор.

За порогом не было комнаты.

Не было кровати, стола или окна.

Там простирался лес.

Фин увидел высокие чёрные стволы, покрытые мхом, узкую тропу и серое небо, под которым кружились листья, хотя на ветвях не осталось ни одного. В глубине леса, между деревьями, стоял каменный дом с башней. Его окна были тёмными, а крыша провалилась под тяжестью мёртвых ветвей.

И на вершине башни висел колокол.

Без языка.

Мира издала тихий звук, похожий на вздох.

— Я знаю это место.

Фин медленно повернулся к ней.

— Ты говорила, что никогда здесь не была.

— Я никогда здесь не была.

Она сделала шаг к порогу.

— Но я помню этот дом.

Женщина схватила её за руку.

— Не смей!

В тот же миг из леса донёсся детский смех.

Мира застыла.

На дальней стороне тропы кто-то стоял между деревьями. Маленькая фигура в светлой одежде. Лица не было видно, но одна рука была поднята, словно ребёнок приветствовал старых знакомых.

Потом фигура помахала Мире.

И исчезла.

Дверь захлопнулась.

Удар был настолько сильным, что свеча погасла, а с потолка посыпалась пыль.

Несколько секунд они стояли в темноте.

Затем снизу раздался грохот. Кто-то кричал, двигал мебель, ругался. Хозяин трактира требовал, чтобы ему объяснили, что происходит на втором этаже.

Фин сунул монетку в карман.

На этот раз металл не был холодным.

Он был горячим.

Настолько горячим, что Фин невольно зашипел и вытащил руку из кармана.

— Нам нужно уходить, — сказала Мира.

— Да, — ответил Фин. — Причём немедленно.

Женщина стояла у стены, закрыв лицо руками.

— Поздно, — прошептала она.

— Что значит «поздно»?

Она медленно опустила руки.

По её щекам текли слёзы.

— Теперь она знает, что вы видели её.

— Кто?

Женщина посмотрела прямо на Фина.

— Та, что открывает двери.

Внизу внезапно стихли все голоса.

А потом из-за закрытой двери комнаты донёсся знакомый детский шёпот:

— Мира…

Девочка побледнела.

Голос повторил её имя.

И на этот раз он звучал совсем рядом.

С той стороны, где у двери не должно было быть никакого пространства.

Фин крепче сжал кулак.

Где-то внутри его кармана монетка снова начала холодеть.

Глава пятая. Дорога, которой нет на карте

— Мира…

Голос повторил её имя.

Он прозвучал из-за двери, за которой несколько мгновений назад открывался лес. Теперь там снова была обычная стена коридора: потемневшие доски, выцветшие обои и криво прибитая полка с глиняным кувшином. Ничего необычного. Никакого леса, никакой каменной башни, никакого колокола, висящего под мёртвым небом.

И всё же Фин знал, что видел их.

Он помнил деревья, между которыми лежала узкая тропа. Помнил провалившуюся крышу дома и тёмные окна, похожие на пустые глазницы. Помнил маленькую фигуру, стоявшую у края леса.

А главное — он помнил, как эта фигура помахала Мире.

Воспоминание было слишком отчётливым, чтобы оказаться сном.

— Не отвечай, — тихо сказал он.

Мира стояла неподвижно. Её лицо почти слилось с темнотой коридора, и только глаза отражали слабый свет свечи, которую женщина снова зажгла дрожащими руками.

— Оно знает моё имя, — прошептала девочка.

— Здесь сегодня слишком многие знают вещи, которые знать не должны. Начинает казаться, что я единственный человек, которому никто ничего не объясняет.

— Фин, пожалуйста.

Он посмотрел на неё и замолчал.

В голосе Миры не было прежней упрямой уверенности. Она словно снова стала ребёнком, которому страшно оставаться одному в незнакомом доме. И Фин вдруг понял, что всё это время девочка держалась не потому, что ничего не боялась. Просто она уже привыкла бояться.

А к такому страху взрослые относятся особенно беспечно. Они называют его характером, капризом или дурным настроением. Иногда даже советуют не выдумывать.

Фин знал об этом больше, чем хотел бы.

— Хорошо, — сказал он. — Не будем отвечать. Я вообще считаю, что разговаривать с незнакомцами через двери — дурная привычка. Особенно если незнакомцы знают твоё имя.

Он взял Миру за плечо и повёл к лестнице.

Женщина осталась стоять у стены.

— Вы идёте с нами? — спросил Фин.

Она покачала головой.

— Я не могу.

— Почему?

— Потому что однажды я уже открыла дверь.

Она произнесла эти слова без всякого выражения, и от этого они прозвучали страшнее любых криков.

— И что произошло? — спросила Мира.

Женщина посмотрела на неё.

— Я потеряла сына.

— Вы говорили об этом.

— Нет, дитя. Я рассказала, что забыла его. Это не одно и то же.

За стеной снова раздался тихий скрежет.

Женщина вздрогнула.

— Уходите. Сейчас же.

Фин не стал спорить. Он уже давно заметил, что люди, пережившие настоящее горе, редко умеют объяснять его другим. Иногда они говорят слишком много, иногда молчат годами, а иногда произносят всего несколько слов, после которых хочется немедленно оказаться в другом месте.

Этот случай относился к последнему.

Они спустились вниз.

Трактир за время их отсутствия изменился.

Или, возможно, Фин просто начал замечать то, на что прежде не обращал внимания.

Посреди зала стояли столы из тёмного дуба, исцарапанные ножами и покрытые кругами от горячих кружек. Некоторые столешницы были настолько старыми, что древесина расслоилась вдоль волокон. На стенах висели охотничьи трофеи: рога оленей, потрескавшийся череп неизвестного зверя и выцветший гобелен с изображением всадников, въезжающих в город через высокие каменные ворота.

Лица всадников были вышиты серебряной нитью, но со временем она потемнела. Теперь казалось, что все они закрыли глаза.

Над очагом висели медные котлы. На закопчённом камне за ними проступали старые рисунки: круги, пересечённые линиями, и несколько маленьких дверей, похожих на ту, что была изображена на монетке Фина.

Он остановился.

— Что такое? — спросила Мира.

— Ничего.

Он отвёл взгляд.

Рисунки могли оказаться обычными украшениями. В старых трактирах стены часто покрывали знаками, значение которых давно забыли даже хозяева. Но Фин уже не верил в случайные совпадения.

Особенно после того, как одна из нарисованных дверей словно шевельнулась в пляшущем свете очага.

Он моргнул.

На стене снова были только тёмные линии.

У стойки стоял хозяин. Он что-то яростно доказывал одному из постояльцев, широкоплечему мужчине в дорожном плаще. На полу рядом с ними лежала опрокинутая скамья, а возле очага разбилась глиняная кружка.

— Я вам говорю, — повторял хозяин, — ничего я не слышал!

— Тогда почему все остальные слышали? — спросил мужчина.

— Потому что все остальные пьяны!

— Я не пил.

— Значит, ты сумасшедший!

Фин кашлянул.

— Простите, господа. Не хотелось бы прерывать столь содержательную беседу, но нам с моей юной спутницей необходимо покинуть это замечательное заведение.

Хозяин обернулся.

— На улице ночь.

— Я заметил.

— Дождь.

— И это тоже.

— До ближайшего жилья несколько часов пути.

— Прекрасно. Значит, у нас будет время обсудить недостатки местного гостеприимства.

Хозяин посмотрел на него с неприязнью.

— Вы никуда не пойдёте.

Фин медленно перестал улыбаться.

— Это ещё почему?

Мужчина в дорожном плаще отступил от стойки.

— Потому что дорога исчезла.

Слова повисли в воздухе.

За окнами шумел дождь. Ветер гнул деревья, и их ветви царапали ставни. В глубине зала кто-то нервно рассмеялся, но смех быстро стих, когда никто не поддержал шутку.

— Что значит «исчезла»? — спросила Мира.

Мужчина повернулся к ней.

— Мы приехали сюда ещё засветло. Видели дорогу, мост через ручей, старый указатель у развилки. А когда я вышел проверить лошадей, ничего этого не оказалось.

— Дороги не могут исчезать, — сказал Фин.

— Я тоже так думал.

— Возможно, вы ошиблись поворотом.

— Возможно. Только мы трижды возвращались к одному и тому же месту. Там стоит сухое дерево с расщеплённым стволом. На одной ветке висит тряпка. Я видел её утром, днём и сейчас. Всё остальное меняется, а дерево остаётся.

Фин посмотрел на окна.

За мутным стеклом двигались чёрные силуэты деревьев. Между ними стелился туман, густой и белёсый, словно кто-то вылил на землю молоко. Дальше нескольких шагов невозможно было разглядеть даже собственную дорогу.

— И что вы собираетесь делать? — спросил Фин.

— Ждать рассвета.

— Разумно. Если, конечно, рассвет не исчезнет вместе с дорогой.

Хозяин ударил ладонью по стойке.

— Хватит! Все остаются здесь. Никто не выходит. Я запру двери, а утром разберёмся.

— А если утром ничего не изменится? — спросила Мира.

Хозяин посмотрел на неё.

— Тогда будем думать.

— А если утром не наступит?

На этот раз никто не засмеялся.

Фин почувствовал, как монетка в кармане медленно остывает.

Он достал её.

На одной стороне по-прежнему была дверь. На другой виднелись тонкие знаки, почти стёртые, но теперь они складывались в короткую строку.

Фин не умел читать эти символы.

И всё же смысл снова возник у него в голове — словно кто-то произнёс слова прямо внутри его черепа.

«Не оставайся там, где тебя помнят».

Он нахмурился.

— Вот это уже совсем невежливо, — пробормотал он.

— Что написано? — спросила Мира.

Фин показал ей монетку.

Девочка долго смотрела на знаки.

— Я не умею читать это.

— Рад, что хоть в чём-то мы равны.

— Но я понимаю, что они означают.

Фин поднял голову.

— И что же?

Мира посмотрела на двери трактира.

— Нам нельзя здесь оставаться.

В этот момент погасли все лампы.

Темнота обрушилась на зал так быстро, что люди не успели даже вскрикнуть. Ещё мгновение назад на стенах плясали золотистые отблески, освещая лица, кружки и закопчённые балки. Теперь остались только слабые угли в очаге, похожие на глаза зверя, притаившегося в пещере.

Кто-то выругался.

Раздался глухой удар.

Затем послышался скрип открывающейся двери.

Фин повернулся к входу.

Он видел лишь узкую полоску ночи между створками. За ней не было ни крыльца, ни дороги, ни мокрых деревьев.

Только туман.

И в этом тумане медленно проступала высокая фигура.

Человек стоял неподвижно. На нём был длинный светлый плащ, не тронутый дождём. Лицо скрывала белая маска без глаз и рта.

Фин не знал, кто это.

Но его тело узнало опасность раньше, чем разум успел найти ей объяснение.

Он схватил Миру за руку.

— Назад.

Фигура наклонила голову.

Из-под маски донёсся тихий голос:

— Фин.

В зале никто не пошевелился.

Фин почувствовал, как монетка в его ладони стала ледяной.

— Мы знакомы? — спросил он, стараясь говорить спокойно.

Человек в белой маске не ответил.

Вместо этого он поднял руку и указал на Миру.

— Ты привёл её к двери.

— Я никого никуда не приводил. Я просто пытался поужинать.

— Ты открыл путь.

— Если вы про дверь в коридоре, то я могу заверить вас, что не имею никакого отношения к архитектурным особенностям этого заведения.

Фигура не шелохнулась.

— Она помнит.

Мира спряталась за спину Фина.

— Что я помню? — спросила она.

Человек в маске повернул голову к девочке.

— То, что должно было остаться забытым.

Он сделал шаг внутрь.

Деревянные доски под его ногами не скрипнули. На плечах плаща не было ни капли воды. Даже туман за его спиной словно избегал пересекать порог.

Фин сжал монетку.

— Не приближайтесь.

Человек остановился.

— Ты не понимаешь, что носишь.

— У меня есть подозрение, что в этом мире вообще никто ничего не понимает.

— Отдай её.

Фин машинально спрятал монетку в кулак.

— Боюсь, это единственная вещь, которую я не собираюсь отдавать незнакомцам. Наряду с сапогами и последним куском хлеба.

— Она не принадлежит тебе.

— Тогда почему она у меня?

Впервые незнакомец замолчал надолго.

А потом произнёс:

— Потому что дверь выбрала тебя.

Фин почувствовал, как внутри что-то неприятно сжалось.

Ему хотелось рассмеяться. Сказать, что двери не выбирают людей, что монеты не обладают волей, а люди в белых масках должны искать себе другое занятие.

Но он вспомнил женщину наверху.

Вспомнил лес за дверью.

И ребёнка, который помахал Мире.

— Кто вы? — спросил он.

Человек в маске опустил руку.

— Тот, кто приходит после третьего звонка.

— Какого ещё звонка?

В ответ издалека донёсся глухой удар колокола.

Затем второй.

Трактир задрожал. С потолка посыпалась пыль, в очаге взметнулись искры, а окна одновременно покрылись тонким слоем инея.

Человек в белой маске повернул голову к туману.

— Второй, — произнёс он.

И впервые в его голосе прозвучал страх.

— У нас осталось совсем немного времени.

Он отступил за порог.

— Если хотите увидеть рассвет, найдите дорогу к дому с башней. Но не входите в него, пока колокол не умолкнет.

— А если мы не пойдём? — спросила Мира.

Фигура остановилась в тумане.

— Тогда дверь найдёт вас сама.

И исчезла.

Дверь трактира захлопнулась.

Несколько секунд никто не двигался. Потом хозяин бросился к входу, отодвинул засов и распахнул створки.

За ними лежала дорога.

Обычная грязная дорога, уходившая между деревьями. По обеим сторонам темнели кусты, а у обочины блестели лужи. Дождь всё ещё шёл, и ветер раскачивал ветви старых дубов.

Но за дорогой, далеко впереди, возвышалась каменная башня.

Она была видна даже сквозь туман.

И на её вершине висел колокол.

Фин посмотрел на монетку. Изображённая на ней дверь теперь была перечёркнута тонкой трещиной, а на обороте медленно проступали новые слова.

«Третий звонок — последний».

Он закрыл ладонь.

— Ну что ж, — сказал Фин. — Похоже, ужин придётся отложить.

Мира посмотрела на дорогу.

— Мы пойдём туда?

Фин вздохнул.

— Разумеется. Потому что, как известно, если незнакомец в белой маске предлагает отправиться в заброшенный дом с колокольней, это обычно означает, что впереди нас ждёт спокойная и приятная прогулка.

Он поправил колпак, проверил, на месте ли маска, и шагнул за порог.

Мира пошла следом.

За их спинами трактир постепенно растворялся в тумане.

А впереди, среди тёмных холмов, стоял дом, который девочка помнила, хотя никогда в нём не бывала.

И где-то внутри этого дома кто-то терпеливо ждал третьего звонка.

Глава шестая. Дом, который ждал

Дорога за дверью оказалась слишком обычной.

Именно это пугало Фина больше всего.

Она тянулась между двумя покатыми холмами, покрытыми сухой травой, и постепенно спускалась в долину. По краям лежали камни, потемневшие от дождей, а в неглубоких колеях блестела вода. Ветер гнал по земле прошлогодние листья. Где-то далеко, за холмами, кричала птица.

Всё было на своих местах.

Небо, земля, трава, ветер.

Мир, который не пытался их обмануть.

И всё же Фин никак не мог отделаться от ощущения, что они идут не туда, куда хотят, а туда, куда их уже давно ведут.

Он обернулся.

Дверь, через которую они вышли из трактира, исчезла.

На её месте стояла старая деревянная изгородь. Несколько досок в ней сгнили, другие покосились, а на одной висел ржавый железный крюк. За изгородью начинался пустырь, заросший репейником и высокой травой. Ни трактира, ни деревни, ни даже дыма над крышами.

Только холмы.

— Скажи, что ты это тоже видела, — произнёс Фин.

Мира не обернулась.

— Видела.

— Хорошо. Значит, я пока не сошёл с ума.

— Не обольщайся. Просто теперь мы оба сошли с ума.

Фин хотел улыбнуться, но улыбка не получилась. В последнее время его шутки всё чаще напоминали записки, оставленные человеком, который уже ушёл из комнаты.

Он поправил ремень сумки и пошёл дальше.

Мира держалась рядом, но время от времени поглядывала на холмы. В её движениях появилась настороженность, какая бывает у животных перед грозой. Она словно прислушивалась к чему-то, чего Фин не мог услышать.

— Ты знаешь, где мы? — спросил он.

— Нет.

— Прекрасно. А я-то надеялся, что ты сейчас скажешь что-нибудь вроде: «Не бойся, Фин, я знаю короткую дорогу».

— Если я когда-нибудь скажу тебе такое, беги в противоположную сторону.

— Учту.

Они прошли мимо каменного столба, наполовину ушедшего в землю. На его поверхности сохранились следы резьбы: несколько вертикальных линий, круг и что-то похожее на человеческий глаз. Время стёрло почти всё, оставив лишь глубокую трещину, пересекавшую камень сверху вниз.

Фин остановился.

— Здесь была дорога?

— Наверное.

— Очень содержательный ответ.

— А ты хотел, чтобы я прочитала тебе историю этого столба?

— Желательно с песнями.

Мира подошла ближе и коснулась камня.

В тот же миг ветер стих.

Не ослабел, не переменил направление — просто исчез. Листья замерли в воздухе, будто кто-то удерживал их невидимой рукой. Даже далёкая птица умолкла.

Мира отдёрнула пальцы.

— Не трогай, — тихо сказал Фин.

— Я уже не трогаю.

— Я вообще-то камню говорил.

Она посмотрела на него.

— Ты разговариваешь с камнями?

— Только когда они ведут себя подозрительно.

Мира хотела ответить, но в этот момент Фин почувствовал холод.

Он исходил из внутреннего кармана куртки.

Монета.

Фин вытащил её и сжал между пальцами. Металл был настолько ледяным, что кожа тут же заныла. На одной стороне по-прежнему виднелась дверь — узкая, высокая, с маленькой ручкой, которую невозможно было бы повернуть человеческой рукой.

На другой стороне проступали буквы.

Сначала они были похожи на царапины. Затем линии начали складываться в слова.

НЕ СМОТРИ В ОКНА.

Фин перечитал надпись.

— Что там? — спросила Мира.

Он показал ей монету.

Девочка побледнела.

— Почему?

— Я тоже предпочёл бы получить более подробную инструкцию.

— Фин, я серьёзно.

— Я тоже.

Он спрятал монету, стараясь не показывать, что пальцы у него дрожат.

Впереди, за последним холмом, появилась башня.

Сначала они увидели только её верхушку — тонкий чёрный силуэт на фоне серого неба. Потом дорога поднялась, и перед ними открылся весь дом.

Он стоял посреди долины, словно вырос из земли вместе с деревьями, камнями и высокой жёлтой травой.

Когда-то это было большое поместье. Об этом говорили остатки каменной ограды, широкая подъездная аллея и две симметричные пристройки по бокам главного здания. Теперь от ограды остались лишь обломки, аллею поглотили кусты, а пристройки напоминали выбитые зубы старого великана.

Сам дом был построен из тёмного камня. На его стенах проступали длинные потёки, похожие на следы дождя, хотя небо оставалось сухим. Крыша провалилась в нескольких местах, а покрытые мхом карнизы осыпались по краям. На фасаде висели остатки деревянных ставней. Некоторые окна были разбиты, другие закрыты изнутри чем-то чёрным.

Башня возвышалась над домом на четыре этажа. Она была слишком узкой для такого высокого строения, и казалось, что её должны были давно опрокинуть ветер или собственный вес. Но башня стояла прямо, без единого заметного наклона.

На самой вершине висел колокол.

Он был огромным, тёмным, покрытым пятнами, которые могли оказаться ржавчиной, а могли — чем-то другим. Под колоколом зиял арочный проём. Ветер свободно проходил через него, но колокол не качался.

Фин остановился.

— Вот и наш уютный загородный дом.

Мира не ответила.

Она смотрела на башню так, словно узнала лицо человека, которого не видела много лет.

— Я здесь была, — прошептала она.

Фин медленно повернулся к ней.

— Ты сказала, что никогда не видела этого места.

— Я знаю.

— Тогда откуда…

— Не знаю!

Последние слова вырвались у неё слишком громко. Мира прижала ладонь ко рту и оглянулась, будто боялась, что её крик кто-нибудь услышал.

Дом оставался неподвижным.

Но одно из окон на втором этаже было открыто.

Тёмный прямоугольник выделялся на фоне стены. За ним ничего нельзя было разглядеть, хотя дневного света должно было хватать, чтобы осветить комнату.

Мира отвела взгляд.

— Нам нельзя туда идти.

— Человек в белой маске отправил нас именно сюда.

— Поэтому и нельзя.

Фин посмотрел на дорогу, по которой они пришли. За холмом не было видно ни столба, ни изгороди. Только пустая равнина, уходившая к горизонту.

— У нас есть два варианта, — сказал он. — Первый: мы возвращаемся и ищем другую дорогу.

— А второй?

— Делаем вид, что у нас есть первый вариант.

Мира не улыбнулась.

Фин вздохнул.

— Ладно. Сначала осмотрим дом снаружи. Не будем ничего трогать, никуда заходить и, если возможно, не будем умирать. Мне кажется, это вполне разумный план.

— Ты всегда так шутишь, когда боишься?

— Нет. Иногда я ещё и молчу.

— А сейчас почему не молчишь?

Фин посмотрел на неё.

— Потому что, если я замолчу, мне придётся услышать собственные мысли.

Мира впервые за долгое время ничего не ответила.

Они спустились в долину.

Чем ближе становился дом, тем сильнее менялся воздух. Он был влажным и тяжёлым, пах землёй, гнилыми листьями и давно погасшим костром. Под ногами попадались обломки плитки, когда-то выложенной вдоль аллеи. Между ними проросли тонкие белые стебли без листьев. Они тянулись к ботинкам путников, но стоило Фину наступить рядом, как стебли втягивались в землю.

Он решил не обращать на это внимания.

Вскоре они добрались до ворот.

Две каменные колонны обрамляли вход во двор. Железные створки давно сорвало с петель, и теперь они лежали в траве, переплетённые колючими лозами. На одной колонне сохранился герб: корона над раскрытой ладонью. Лицо короля, если оно когда-то было изображено, исчезло под глубокими царапинами.

На другой колонне кто-то вырезал слова.

Фин провёл рукавом по камню, счищая грязь.

ДОМ ПРИНИМАЕТ ТЕХ, КТО ПОТЕРЯЛ ДОРОГУ.

Ниже, более мелкими буквами, было добавлено:

НО НЕ ВСЕХ ОТПУСКАЕТ.

— Обнадёживает, — сказал Фин.

— Ты можешь хотя бы раз не шутить?

— Могу. Но тогда эти надписи станут ещё страшнее.

Мира перешагнула через железную створку и вошла во двор.

Фин поспешил за ней.

Внутри ограды земля была покрыта сухими листьями. Когда-то здесь, вероятно, разбили сад: вдоль дорожек ещё угадывались очертания клумб, среди зарослей торчали каменные фигуры птиц, а в центре двора находился круглый фонтан. Его чаша треснула, и из разлома росло молодое дерево с белой корой.

Вода в фонтане всё ещё была.

Чёрная, неподвижная, без единого отражения.

Мира обошла чашу стороной.

У стены дома стояли три статуи. Все они изображали людей в длинных плащах. Лица были стёрты, руки вытянуты вперёд, словно статуи просили о помощи. У ног первой лежала каменная птица с разинутым клювом. У второй на коленях сидела маленькая фигура ребёнка.

Третья статуя была пустой.

В плаще не было ни головы, ни рук, ни даже каменного туловища. Только очертания одежды, застывшие в жесте человека, который собирался шагнуть вперёд.

Фин почувствовал неприятное покалывание между лопатками.

— Мне кажется, — произнёс он, — что скульптор здесь не очень любил людей.

— Мне кажется, он пытался что-то запомнить.

— Что именно?

Мира посмотрела на пустую статую.

— Того, кого больше нет.

Ветер снова поднялся, шевеля сухую траву. Из башни донёсся протяжный скрип, похожий на стон дерева под тяжестью снега.

Фин поднял голову.

Колокол не двигался.

И всё же звук продолжал тянуться над долиной, будто кто-то медленно водил ножом по краю огромной чаши.

Мира схватила Фина за рукав.

— Не смотри на башню.

Он опустил глаза.

— Почему?

— Не знаю. Просто не смотри.

Это был не страх перед неизвестностью. Фин уже научился узнавать такой страх. Он видел его в глазах людей, которые просыпались после кошмаров и не могли вспомнить, что именно их напугало.

Мира боялась не того, что могло случиться.

Она боялась того, что уже случилось однажды.

Они обошли дом с южной стороны. Здесь стена была почти полностью затянута плющом. Толстые корни проникали в щели между камнями, а ветви поднимались до самых окон. Под одним из окон стояла скамья. Её деревянные ножки сгнили, но сиденье оставалось целым.

На скамье лежала детская туфелька.

Маленькая, коричневая, с серебряной застёжкой.

Мира остановилась.

— Нет, — прошептала она.

Фин не стал спрашивать, что она имеет в виду.

Он уже видел, как она смотрит на туфельку.

Не как на чужую вещь, случайно оставленную среди руин. Она смотрела на неё так, словно узнала её, но не могла позволить себе поверить.

— Мира?

Она медленно подошла к скамье.

— У меня была такая.

— Когда?

— Не знаю.

Она протянула руку, но не коснулась туфельки. Её пальцы замерли в нескольких сантиметрах от потемневшей кожи.

— Я помню застёжку, — сказала она. — Мама говорила, что я всё время теряла одну туфлю. Она сердилась, а потом искала её вместе со мной.

— Ты помнишь это?

— Да.

Мира закрыла глаза.

— Нет. Не совсем. Я помню, что должна это помнить.

Туфелька тихо качнулась.

Хотя ветер дул в противоположную сторону.

Фин шагнул вперёд и заслонил её собой.

— Мы уходим.

— Подожди.

— Нет. Мы уже нашли достаточно странных вещей на сегодня.

— Фин, посмотри.

Он не хотел смотреть.

Именно поэтому посмотрел.

На внутренней стороне серебряной застёжки были выгравированы две буквы.

М. В.

Мира отшатнулась, словно её ударили.

— Это мои инициалы, — сказала она.

— Может быть, совпадение.

— У меня нет второй буквы в имени.

— Тогда, возможно, это инициалы того, кто сделал туфельку.

— Ты сам веришь в то, что говоришь?

Фин не ответил.

Монета в его кармане начала дрожать.

Не просто холодеть — дрожать, словно внутри неё билось маленькое сердце.

Он достал её.

На стороне с дверью появилась тонкая трещина. Она проходила по самой середине, разделяя изображение на две половины. На обратной стороне буквы складывались медленно, одна за другой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.